

Раздел II

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Р. С. Авилов

**«БОРЬБА ЗА ОБЛАДАНИЕ КАМЧАТКОЙ СТАНЕТ ТОГДА ДЛЯ НАС
ВОЗМОЖНОЙ, ЕСЛИ ДОСТУП В АВАЧИНСКУЮ ГУБУ
ДЛЯ НЕПРИЯТЕЛЬСКОГО ФЛОТА БУДЕТ ПРЕГРАЖДЕН...»
ФИНАЛ ДИСКУССИИ О ВОЗМОЖНОСТИ ОБОРОНЫ КАМЧАТКИ (1910 г.)**

В статье рассматривается проблема организации возможной обороны Камчатки и Петропавловска в случае новой войны с Японией. Показана слабость русских войск на Дальнем Востоке после Русско-японской войны 1904–1905 гг., не позволившая защитить Камчатку и Сахалин до восстановления флота на Тихом океане. Впервые вводится в научный оборот предложение командующего войсками Приамурского военного округа П. Ф. Унтербергер по организации обороны Петропавловска посредством инженерной обороны входа в Авачинскую губу. Сделан вывод, что не советские военные инженеры, а именно П. Ф. Унтербергер еще в 1910 г. впервые обосновал реализованную уже в советское время, концепцию обороны Петропавловского порта посредством блокирования входа в Авачинскую губу для неприятельских судов.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905 гг., Приамурский военный округ, Унтербергер П. Ф., Сухомлинов В. А., Авачинская губа, оборона Петропавловска, Петропавловский порт.

Roman S. Avilov

**«THE STRUGGLE FOR THE POSSESSION OF KAMCHATKA
WILL THEN BECOME POSSIBLE FOR US, IF ACCESS TO THE AVACHA BAY
FOR THE ENEMY FLEET IS BLOCKED...»
THE FINALE OF THE DISCUSSION ON THE POSSIBILITY
OF DEFENDING KAMCHATKA (1910)**

The report presents the problem of organizing the possible defense of Kamchatka and Petropavlovsk in the event of a new war with Japan. Russian forces at the Far East are shown to be weak after the Russo-Japanese War of 1904–1905, making it impossible to defend Kamchatka and Sakhalin until the restoration of the fleet in the Pacific Ocean. For the first time, the proposal of the Commander of the Troops of Priamur Military District, P. F. Unterberger, to organize the defense of Petropavlovsk through engineering defense of the entrance to Avacha Bay is being introduced into scientific circulation. It is concluded that namely P. F. Unterberger, as early as 1910 but not Soviet military engineers, for the first time, substantiated the concept of defense of the Petropavlovsk port by blocking the entrance to the Avacha Bay for enemy ships, implemented already in Soviet times.

Keywords: Russo-Japanese War of 1904–1905, Priamur Military District, Paul F. Unterberger, Vladimir A. Sukhomlinov, Avacha Bay, the defense of Petropavlovsk, the Petropavlovsk port.

Неудачная война с Японией, изменившая баланс сил на Дальнем Востоке не в пользу России, закончившаяся к тому же Первой русской революцией 1905–1907 гг. с изрядными погромами и ещё большими экономическими и имиджевыми потерями, обусловила необходимость полного пересмотра русской оборонной политики в регионе. Обсуждение новых принципов организации обороны российского Дальнего Востока началось уже на финальной

стадии Русско-японской войны 1904–1905 гг. и активно продолжалось и на местном уровне, и в столице весь период 1906–1910 гг. Тональность была пессимистичной на всех уровнях, различался только масштаб пессимизма и его направленность. Вопрос об обороне Камчатки занимал в них, пожалуй, последнее место. Предпоследнее – проблема обороны оставшейся в составе империи северной части о. Сахалин. В целом почти все участники дискуссии сходились на

том, что организовать нормальную оборону этих территорий без сильного флота на Тихом океане невозможно, а поскольку его нет – оставалось либо вообще отказаться от их защиты в случае начала новой войны с Японией, либо противодействовать партизанскими методами.

Финальную точку в этом вопросе должен был поставить секретный «Доклад об обороне Сахалина и Камчатки», подготовленный для военного министра генерал-адъютанта В. А. Сухомлинова 24 марта 1910 г. генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) генерал-майором Ю. Н. Даниловым.

В докладе отмечалось, что при разработке указаний командующему войсками Приамурского военного округа на случай войны необходимо совершенно определённо поставить вопрос об обороне русской, т. е. северной части о. Сахалин. Из имеющейся в ГУГШ переписки и из личных бесед начальника штаба Приамурского военного округа в Военном министерстве знали, что окружное начальство предполагает в случае войны организовать оборону острова при помощи местной команды (500 чел.) и дружин, сформированных из местных жителей. «Целью такой обороны ставится, по-видимому, отвлечение на себя некоторой части японских войск и нежелание отдать без боя принадлежащую нам территорию острова».

Генералу Ю. Н. Данилову эти соображения не нравились, поскольку они фактически предполагали повторение опыта обороны острова времен Русско-японской войны 1904–1905 гг., который к этому времени однозначно оценивался как отрицательный: «Подобным же образом, но в гораздо более крупных размерах, была организована оборона Сахалина и в минувшую войну, когда на острове было сосредоточено с материка, или образовано на месте: 6 батальонов, 12 дружин из местных жителей, 14 орудий и 12 пулемётов, общей численностью в 6.383 ч[ел]. пехоты и 126 всадников, из которых было организовано несколько отрядов.

Не смотря на такие, сравнительно большие силы, действия наших войск были чрезвычайно неудовлетворительны, и нам не только не удалось дать ни одного сколько-нибудь значительного боя, но отряды наши, сформированные из необученных и недисциплинированных людей, с первых же дней военных действий начали сдаваться японцам. Состояние духа войск было настолько подавленное, что появление одних только японских разведчиков производило панику и беспорядочную стрельбу и по чужим, и по сво-

им. Особенно терроризированы были дружины бесчеловечными казнями, которым японцы подвергали пленных дружинников, не признавая за ними прав комбатантов.

Таким образом, оборона острова при помощи необученных и недисциплинированных людей оказалась совершенно ненадёжной и даже компрометирующей наше оружие. Вышло хуже, чем если бы мы вовсе не обороняли Сахалин; в последнем случае и морально[,] и материально мы потеряли бы не более того, что пришлось потерять, но за то для японцев не создавалось бы иллюзии завоевания острова, а был бы лишь простой захват его.

В настоящее время при отсутствии у нас флота в Тихом океане, условия обороны острова по сравнению с 1904–[190]5 гг. ухудшились неизмеримо, а формировать дружины стало ещё труднее, так как мужское население округа состоит только из 11.300 чел., считая стариков и детей. Кроме того, на Сахалине не было и нет условий, необходимых для успешного развития партизанских действий, а японцы к тому же не являются противником, которого можно запугать несерьёзными силами» [1, л. 1–1 об.]. В довершение всего и военный губернатор Сахалинской области генерал-майор А. М. Валуев смотрел на возможность обороны острова совершенно безнадежно и в телеграмме от 11 ноября 1909 г. просил о переименовании Сахалинской местной команды в полицейскую стражу.

Именно на основе этого исторического опыта делалась оценка реальных возможностей защиты Камчатки и Петропавловска силами местной команды и малочисленных отрядов из местного населения. «В таком же, если ещё не худшем положении находится и оборона Камчатки, – отмечалось в докладе, – на которой ныне никаких войск не содержится, а по разработанному в Главном Штабе проекту предполагается образовать в Петропавловске местную команду в 200 чел. Достаточная для несения в этом пункте службы в мирное время, команда эта[,] несомненно[,] не представляет никакой сколько-нибудь серьёзной силы для военных действий и в случае высадки противника на Камчатском полуострове принуждена будет в лучшем случае бесцельно погибнуть, а в худшем сдаться в плен» [там же, л. 1 об.–2].

Исходя из этого, Ю. Н. Данилов предлагал следующее решение: «Чтобы нам не повторять неудачного опыта 1904–[190]5 гг., полагалось бы целесообразнее на будущее время, впредь до воссоздания флота в Тихом океане, вовсе отка-

заться от обороны нашей части острова Сахалина и Камчатского полуострова[,] и тамошние местные команды переименовать теперь же – в полицейскую стражу, импотентность которой в военном отношении не может ложиться пятном на нашу армию, чего нельзя сказать про местные команды, которые, будучи столь же неспособны к боевым действиям, как и полицейская стража, являются в то же время войсковыми частями». На это и испрашивалось разрешение военного министра В. А. Сухомлинова. Ознакомившись с документом, В. А. Сухомлинов наложил на нем 25 марта 1910 г. резолюцию: «Согласен» [1, л. 1–2].

Тем не менее процесс ликвидации уже существовавшей Сахалинской местной команды и решение вопроса о Камчатской местной команде растянулись на несколько лет. К декабрю 1910 г. в Приамурском военном округе имелась лишь одна местная команда – Сахалинская, подчинявшаяся губернатору Сахалинской области на правах начальника дивизии [2, с. 110, 401]. Однако Высочайше утверждённым 22 апреля 1911 г. положением Военного совета от 24 марта этого же года её переподчинили «во всех отношениях начальнику 6-й Сибирской стрелковой дивизии» (штаб дивизии находился в г. Хабаровске) [3]. По официальным данным на 1 сентября 1911 г. в округе числились уже две местные команды: Сахалинская и Петропавловская (на п-ове Камчатка) [4, с. 110, 401]. Однако и год спустя в официальных данных к 1 января 1912 г. отмечалось, что Петропавловская команда «ещё не сформирована». При этом в общем списке дислоцировавшихся на территории округа частей последняя была указана и фигурировала в соответствующих расчётах [5, с. 110, 401].

Положение Военного совета «О формировании на Сахалине и Камчатке пеших жандармских команд вместо расположенных там местных регулярных команд», включавшее и их штаты, Николай II утвердил только 15 февраля 1913 г., хотя соответствующий журнал Военного совета был готов ещё 12 апреля 1912 г. Положением предписывалось «упразднить местные команды: Сахалинскую на острове Сахалине и Петропавловскую на Камчатке», после чего сформировать Сахалинскую и Камчатскую пешие жандармские команды, на формирование которых «обратить личный состав нижних чинов местных команд на Сахалине и Камчатке с их вооружением и оборудованием». Само переформирование проводили с максимальной экономией средств. Так, полагалось «установить

для пеших жандармских команд на Сахалине и Камчатке вооружение, ныне положенное для Сахалинской и Петропавловской местных команд, а обмундирование и снаряжение – по образцу пеших жандармских частей отдельного корпуса жандармов, но по выслуге установленных табельных сроков для предметов обмундирования и снаряжения, поступающих из названных местных команд в жандармские команды». Все штатное, нештатное имущество и хозяйственные суммы тоже передавались новым командам. Таким образом, новые сахалинские и камчатские жандармы были первое время даже одеты и вооружены как прежние местные команды.

Образованные жандармские команды были подчинены начальнику жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги «в строевом, инспекторском и хозяйственном отношении на правах начальника дивизии, а в отношении исполнения этими командами полицейских обязанностей... по принадлежности губернаторам Сахалинской и Камчатской областей» [6]. По официальным данным на 1 сентября 1914 г. в Приамурском военном округе не осталось ни одной местной команды, а Сахалинская и Камчатская жандармские команды располагались соответственно в посту Александровском на о. Сахалин и г. Петропавловске-на-Камчатке [7, с. 399–402, 573].

Система подчинения команд оказалась крайне неудачной: начальник жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги, как, впрочем, и управление, находился во Владивостоке, руководить из которого всеми делами команд, и особенно их хозяйством, было по меньшей мере неудобно. Вопрос решили традиционным для окраинных территорий империи способом – путём расширения полномочий командиров самих команд.

Полтора года спустя, 20 декабря 1913 г., император утвердил положение Военного совета «О предоставлении некоторых прав начальникам пеших жандармских команд Сахалинской и Камчатской», подготовленное на основе журнала Совета от 28 ноября 1913 г. В положении указывалось: «Предоставить начальникам пеших жандармских команд Сахалинской и Камчатской в хозяйственном отношении права командира полка, а в дисциплинарном – права командира батальона, находящегося в особой командировке» [8; 9, с. 462–464].

Однако была и альтернативная точка зрения, которую предложил в конце 1910 г. ко-

мандующий войсками Приамурского военного округа, Приамурский генерал-губернатор, военный инженер, сенатор и один из лучших знатоков российского Дальнего Востока П. Ф. Унтербергер. В июле – октябре 1910 г., завершая свою многолетнюю службу на Дальнем Востоке, он совершил большое прощальное путешествие по северной части вверенной ему территории, посетив о. Сахалин, побережье Охотского моря, Камчатку и Чукотку. По его инициативе и при его личном участии на м. Дежнева, крайней восточной точке Чукотского полуострова, а значит и материковой России, в память о Семене Дежневе был установлен крест (оригинальный простоял до 1920-х гг.) [10, с. 221–339].

В отличие от столичных коллег, Павел Федорович полагал, что Петропавловск и Камчатку всё-таки нужно защищать, но совсем не так, как это было сделано в период Крымской войны 1853–1856 гг. Свою точку зрения он изложил непосредственно военному министру В. А. Сухомлинову в письме от 5 декабря 1910 г. Этот сравнительно небольшой документ, объёмом всего в 5 страниц машинописного текста, имеет важнейшее значение для военной истории как Петропавловска, так и Камчатки в целом.

«Озабочиваясь принятием мер для обороны края[,] считаю необходимым доложить Вашему Высокопревосходительству о положении, в случае войны на Дальнем Востоке, одной из окраин наших, полуострова Камчатки. В случае вооружённого столкновения нашего с Японией, последняя, ощущая значительную потребность в увеличении рыбных промыслов вне своих пределов, частью вследствие истощения рыбных богатств у своих островов, частью по причине увеличения народонаселения, не оставит, надо полагать, без внимания окраины нашей – Камчатки вследствие исключительно разнообразия и богатства её рыбой, и распространит свои военные действия на эту страну. Направив в минувшую кампанию все усилия свои к тому, чтобы утвердиться в Корее и Маньчжурии, Япония произвела тогда лишь слабую попытку овладеть Камчаткой и потерпела неудачу; став ныне твёрдой ногой на материке Азии, попытка овладеть этой окраиной в будущем, надо полагать, станет более серьёзной», – писал П. Ф. Унтербергер [11, л. 39].

Положение полуострова с точки зрения возможной организации его обороны русскими властями действительно оказывалось до крайности незавидное. Природно-климатические

условия были очень тяжёлыми, а транспортная инфраструктура – неудобной, поскольку регулярное сообщение полуострова с остальной Россией производилось исключительно морем, что практически полностью исключало возможность его поддержания в случае начала нового военного конфликта.

«Отрезанная от материка непроходимой тундрой и тайгой и при полном господстве противника над морем, Камчатка не может рассчитывать на подкрепления извне и в борьбе с противником вновь будет предоставлена сама себе. Если Япония действительно поставит себе целью овладеть Камчаткой, то задачу эту она выполнит тогда, если захватит Авачинскую губу и находящийся в ней порт Петропавловск: первая представляет собой единственную удобную стоянку для судов, второй является административным и самым жизненным центром страны; кроме того, только отсюда имеется грунтовый путь (вьючная тропа) в наиболее населённый район, в долину реки Камчатки. Овладевая тем и другим, и устроив здесь надёжный высадочный городок, противнику нетрудно уже будет отсюда распространить свои действия как вглубь страны, так и на остальное побережье; занятие других каких-либо пунктов не затронет ещё жизненных условий страны и не даст противнику никаких положительных результатов, тогда как с захватом Авачинской губы и Петропавловска он, можно сказать, овладеет всей Камчаткой» [там же, л. 39 об.].

По мнению командующего войсками округа, при попытке повторить сценарий обороны времён Крымской войны 1853–1856 гг., т. е. защищать от превосходящего, хорошо обученного и прекрасно вооружённого противника только Петропавловск и его ближайшие окрестности, его гарнизон был обречён, а захват – неизбежен. Таким образом, концепцию обороны нужно было менять, причём радикально. *«При настоящем своём положении, – продолжал П. Ф. Унтербергер, – Петропавловск, не имея укреплённого входа в Авачинскую губу и за отсутствием здесь флота, не может оказать какого-либо сопротивления противнику, и последнему достаточно даже войти в губу с одним военным судном, чтобы этот жизненный нерв страны был для нас потерян; обратное же овладение Петропавловском, за отсутствием флота, будет для нас задачей невыполнимой.*

Борьба за обладание Камчаткой станет тогда для нас возможной, если доступ в Авачинскую губу для неприятельского флота будет

прегражден, и противник вынужден будет производить высадку десанта в другом месте побережья и наступать к Петропавловску сухим путём.

На западном побережье Камчатки бухт нет совсем, существующие бухты на восточном не представляют собой удобных и укрытых стоянок для судов; лучшая из них и при том ближайшая к Петропавловску, бухта Моржовая, мала и не имеет сообщения с внутренностью страны.

Где бы противник не высаживался, он не мало потратит времени и сил на устройство высадочного городка, а при своём движении к Петропавловску не может миновать горных хребтов; отсутствие местных средств принудит его довольствоваться тем, что он возьмёт с собой в обозе. Полное бездорожье, горный и закрытый характер страны до крайности затрудняют его движение. При таких условиях наступления противника, местная команда, усиленная добровольными дружинами, в самой широкой степени может развить партизанские действия. При этом нужно заметить, что местное население, как зверопромышленники, хорошо ознакомлены с местностью и привычны к деятельности в горах; в минувшую кампанию население это охотно становилось в ряды дружин с полным сознанием долга защищать свою страну; в будущем, при наличии здесь местной команды, организация деятельности дружин должна быть более правильной, а, следовательно, и борьба с противником более энергичной» [11, л. 39 об.–41]. И значит – куда более успешной, чем у отрядов на о. Сахалин в годы войны с Японией, отрицательный пример которых был основным аргументом сотрудников ГУГШ в пользу отказа от обороны как о-ва Сахалин, так и Камчатки.

«Дабы надёжно обеспечить себе тыл и вести борьбу с партизанскими отрядами, противник не может ограничиться высадкой небольшого отряда, а должен будет это выполнить более или менее значительными силами, а тогда явится для него затруднение в снабжении десантного отряда продовольствием и прочими запасами, так как его флот, за отсутствием закрытых стоянок, не всегда сможет поддерживать связь с берегом, а осенью кроме того с отечеством вследствие бурности Камчатского моря в это время года.

Если противник всё-таки не остановится и перед этими препятствиями и поставит себе целью во что бы то ни стало овладеть Камчаткой, то для этого он должен будет уже пред-

принять серьёзную операцию. При этом нужно заметить, что если противнику при наступлении к Петропавловску удастся преодолеть сопротивление партизанских отрядов и он овладеет последним пунктом, то этим борьба для него не может ещё считаться оконченной, раз Авачинская губа останется за нами; только овладев последней, противник будет иметь надёжную стоянку для судов и прочную базу.

Дабы иметь возможность оборонять Авачинскую губу (а следовательно, продолжать партизанские действия), и в том случае, если Петропавловск будет взят, необходимо, чтобы береговые укрепления удовлетворяли условиям борьбы не только с флотом, но и с десантом» [там же, л. 40 об.–41], т. е. были обеспечены с тыла, представляя собой фактически небольшие огневые группы.

Исходя из этого, П. Ф. Унтербергер ходатайствовал перед военным министром «об укреплении входа в Авачинскую губу» ибо «мера эта является настоятельно необходимой, чтобы иметь возможность отстоять или, по крайней мере, продолжительное время оборонять Камчатку; если и при этом нам не удастся отстоять этой страны, то все же цель будет достигнута, раз противник для овладения ей затратит сил и средств больше, чем мы на её оборону» [там же, л. 41].

На первой странице документа разными лицами оставлено несколько резолюций, полностью раскрывающих дальнейшую судьбу изложенных в нем предложений. Одна оставлена 9 декабря генерал-квартирмейстером ГУГШ Ю. Н. Даниловым: «Прошу переговорить с картой района Петропавловска». Ещё одна, неизвестного автора: «Полковнику Филатьеву. На карте подчеркнуть все названия, упоминаемые в письме», – отражает отданное делопроизводителю Д. В. Филатьеву распоряжение, поскольку, в отличие от П. Ф. Унтербергера, сотрудники этой структуры географии Камчатки не знали, что не позволяло им свободно воспринимать содержание документа и высказанные в нем предложения. Сам военный министр В. А. Сухоминов 28 декабря 1910 г. оставил только указание: «Нач[альнику]. Генер[ального]. Шта[ба].», и свою подпись с датой. Последняя резолюция, оставленная в левом нижнем углу первого листа тем же Ю. Н. Даниловым уже 4 января 1911 г. гласила: «Начальник Ген. Штаба приказал вопрос этот оставить без движения, как не согласованный с взглядами Воен[ного] М[инистерства]» [там же, л. 39].

Судя по всему, Павел Федорович и сам понимал, что в условиях, когда проблемы были даже с финансированием строительства нового сухопутного обвода и берегового фронта Владивостокской крепости, а также усилением войск Приамурского военного округа на наиболее угрожаемых направлениях, его ходатайство полностью обречено. Именно поэтому, если к сделанному в том же году ходатайству об организации фортификационной обороны всего залива Петра Великого был приложен общий проект этой обороны, причём в трёх вариантах, в зависимости от возможного финансирования [12], то в данном случае никаких проектов или расчётов обнаружить так и не удалось. Скорее всего, более глубокой разработки вопроса о фортификационной обороне входа в Авачинскую губу в тот период так и не было сделано.

Однако общее направление мысли старого и опытного инженерного генерала, оставлявшего в 1910 г. должность командующего войсками Приамурского военного округа и Приамурского генерал-губернатора оказалось совершенно правильным. Идеальным и наиболее дешёвым вариантом обороны Петропавловска была именно защита входа в Авачинскую губу с целью недопущения прохода туда кораблей противника. Таким образом, не советские военные инженеры, а именно П. Ф. Унтербергер ещё в 1910 г. впервые обосновал реализованную уже

в советское время, на новом этапе истории оборонительного строительства на Дальнем Востоке, концепцию обороны Петропавловского порта посредством блокирования входа в Авачинскую губу для неприятельских судов.

Когда в период 1930–1940-х гг. была создана новая система береговой обороны устья Амура, залива Де-Кастри и Петропавловска-Камчатского, первую береговую батарею на Камчатке возвели как раз на м. Станицкого, запирающим вход в Авачинскую бухту. Четырёхорудийная 100-мм батарея № 961 вступила в строй в 1936 г., послужив началом формирования Камчатского укрепленного района Тихоокеанского флота. В период 1938–1941 гг. там развернулось обширное оборонительное строительство. Оборону входа в Авачинскую губу усилили четырёхорудийной 130-мм батареей № 502 и 45-мм батареями № 506 на м. Безымянном. В районе м. Первого, восточнее входа в эту бухту, для противодесантной обороны Халактырского пляжа построили 130-мм батарею № 501, затем четырёхорудийную 45-мм батарею № 546, а для дальней обороны – Отдельную башенную батарею № 425 на четыре 180-мм пушки в двухорудийных башенных установках МБ-2-180. Сам же Камчатский укрепленный район Тихоокеанского флота был переименован в Петропавловск-Камчатскую военно-морскую базу [13, с. 98–99, 121, 158].

1. РГВИА [Российский государственный военно-исторический архив]. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1140. Л. 1–2. Доклад по ГУГШ [Главное управление Генерального штаба] Ю. Н. Данилова военному министру В. А. Сухомлинову № 379/2827 от 24 марта 1910 г.
2. Расписание сухопутных войск. Испр. по сведениям к 1 дек. 1910 г. СПб. : Воен. тип., 1910. 578 с. Примеч.: на тит. л. загл.: Расписание сухопутных войск.
3. ГАХК НСБ [Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека]. Ед. хр. 1557. Приказ войскам Приамурского военного округа № 322 от 21 июня 1911 г.
4. Расписание сухопутных войск. Испр. по сведениям к 1 сент. 1911 г. СПб. : Воен. тип., 1911. 578 с. Примеч.: на тит. л. загл.: Расписание сухопутных войск.
5. То же. Испр. по сведениям к 1 янв. 1912 г. СПб. : Воен. тип., 1912. 578 с. Примеч.: на тит. л. загл.: Расписание сухопутных войск.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXXIII. Отделение 1. 1913 г., № 38792. СПб. : Гос. тип., 1916. С. 142.
7. Расписание сухопутных войск. Испр. к 1 сент. 1914 г. СПб. : Воен. тип., 1914. 578 с. Примеч.: на тит. л. загл.: Расписание сухопутных войск.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье... № 40736... С. 1387–1388.
9. Авилов Р. С. Военные реформы в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны (1910 – лето 1914 г.) // Русский сборник: исследования по истории России XIX–XX. М., 2016. Т. XIX. С. 416–477.
10. Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 : очерк. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1912. 428 с.
11. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1140. Л. 39–41 об. Письмо Командующего войсками Приамурского военного округа П. Ф. Унтербергера военному министру В. А. Сухомлинову № 3444 от 5 декабря 1910 г.

12. *Авилов Р. С.* Проекты береговой обороны залива Петра Великого для противодействия высадке японского десанта на дальних подступах к Владивостокской крепости (1910 г.) // Вопросы истории фортификации. 2021. № 8. С. 232–266.
13. *Калинин В. И., Воробьев С. А.* Сталь и бетон против Микадо. Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР. 1932–1945 гг. // Крепость Россия : ист.-фортификац. сб. Владивосток, 2005. Вып. 2. С. 76–167.